

В диссертационный совет Д 212.267.02
на базе Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования «Национальный
исследовательский Томский
государственный университет»
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

На № 31016/272 от 28.03.2016

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Лызлова Алексея Ивановича
«Неоконченное убийство: проблемы законодательной регламентации,
квалификации и наказания», представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

Повышенная общественная опасность убийств, широкая распространенность в сегодняшней России этих преступлений, в структуре которых значительную долю составляют неоконченные убийства, необходимость усиления борьбы с ними, не допуская ошибок в применении уголовного закона, регламентирующего ответственность за совершение умышленных посягательств на жизнь другого человека, - все это придает особую актуальность, теоретическую и практическую значимость теме настоящего научного исследования. Выбор темы исследования во многом вызван тем, что по вопросам криминализации и декриминализации неоконченной преступной деятельности, квалификации неоконченных преступлений, нередко таких, как приготовление к убийству или покушение на убийство, назначение наказания за неоконченное убийство, в теории уголовного права имеются различные мнения ученых-юристов, а при рассмотрении уголовных дел данной категории судами допускаются ошибки, выносятся неоднозначные решения. Вполне актуальна и проблема совершенствования российского уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за предварительную преступную деятельность и наказание за неоконченное убийство, что

непосредственно сказывается на правоприменительной деятельности судебно-следственных органов.

Вопросы уголовной ответственности за убийство, как и вопросы квалификации этого наиболее опасного вида преступлений, в отечественной науке исследовались достаточно полно и глубоко. Но комплексного исследования проблемы неоконченного убийства еще не проводилось, хотя необходимость в таком исследовании вполне очевидна.

Целью настоящего исследования как раз и являлись вопросы уголовной ответственности и наказания за неоконченное убийство с учетом результатов изучения непростых проблем, связанных с ответственностью за убийство, неоконченной преступной деятельностью и освобождением от уголовной ответственности при добровольном отказе от доведения преступления до конца на обеих стадиях неоконченного преступления. Данное исследование было направлено на решение проблем уголовной ответственности за неоконченное убийство с учетом специфики этой преступной деятельности, вопросов ее законодательной регламентации и практической деятельности органов следствия и суда в процессе квалификации и назначения наказания за неоконченное убийство.

Для успешного достижения указанной цели, в процессе исследования, диссертантом решались следующие задачи: установить основание криминализации неоконченного убийства; изучить вопросы, связанные с определением уголовной ответственности и ее пределами в действующем уголовном законодательстве и по результатам этого изучения дать рекомендации по его совершенствованию; исследовать вопросы квалификации приготовления к убийству, покушения на его совершение и дать обоснованные рекомендации по их решению; раскрыть особенности добровольного отказа от доведения убийства до конца на стадии его приготовления, обосновать возможность такого добровольного отказа при покушении на убийство; обосновать справедливость (или несправедливость) законодательного определения пределов наказания и проанализировать практику его применения судами при рассмотрении уголовных дел о неоконченных убийствах.

Объектом диссертационного исследования стали общественные отношения, возникающие в случае совершения неоконченных убийств.

Предметом исследования являлись уголовно-правовые нормы: предусматривающие ответственность за убийство, прежде всего на стадиях неоконченной преступной деятельности, и другие смежные с ним преступления; образующие самостоятельные уголовно-правовые институты неоконченного преступления и добровольного отказа от доведения преступления до конца; закрепляющие правила назначения наказания за неоконченное преступление. В

предмет исследования вошли также: практика применения указанных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность и наказание за неоконченное убийство; данные уголовной статистики по исследуемой категории уголовных дел; мнения отечественных ученых-юристов, касающиеся исследуемых вопросов, в том числе об основаниях и условиях криминализации деяний, законодательной регламентации неоконченной преступной деятельности, прежде всего неоконченного убийства, научно обоснованной оценки последнего с позиции действующего уголовного законодательства России.

Методологическую основу исследования составляли: диалектический метод познания явлений и процессов действительности; формально-логический метод; метод системно-структурного анализа; историко-правовой и сравнительно-правовой методы; социологический и статистический методы и некоторые другие частнонаучные методы и методики.

Теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных ученых в области науки уголовного права, которые были посвящены вопросам криминализации и декриминализации деяний, законодательной регламентации и квалификации преступлений, посягающих на жизнь человека, проблемам неоконченной преступной деятельности и добровольного отказа от доведения преступления до конца.

Нормативной базой исследования послужили Конституция Российской Федерации, некоторые нормативные правовые акты международного сообщества, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы России. Использование историко-правового и сравнительно-правового методов исследования позволили А.И. Лызлову использовать некоторые памятники отечественного уголовного права, ряд уголовных кодексов зарубежных государств.

Исследование имеет достаточную прочную эмпирическую основу в виде указанного количества использованных в диссертации приговоров судов различных субъектов Российской Федерации по уголовным делам исследуемой категории, постановлений Президиума Верховного Суда РФ, определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, данных судебной статистики. В работе использовались постановления Пленума Верховного Суда РФ, имеющие непосредственное отношение к теме исследования, а также результаты эмпирических исследований других ученых.

Научная новизна настоящего исследования, прежде всего, заключается в глубоком системном изучении и анализе проблемы неоконченного убийства, всех важных вопросов, касающихся законодательной регламентации приготовления к убийству и покушения на его совершение, квалификации неоконченного убийства и

назначения наказания за его совершение. Поскольку указанные вопросы находятся на стыке ряда вспомогательных научных дисциплин науки уголовного права, диссертант использовал для их решения учение о стадиях (этапах) совершения преступления, учения о криминализации деяний, учения о преступлениях против жизни человека, учения о наказании и его назначении. Использование этих вспомогательных уголовно-правовых дисциплин позволило автору получить целостное научное представление о неоконченном убийстве и его основных уголовно-правовых характеристиках, определить адекватность его законодательной регламентации и практики применения соответствующих уголовно-правовых норм, касающихся ответственности и наказания за его совершение.

Основные положения, выносимые на защиту, вызывают несомненный интерес.

Так, сравнивая дореволюционное российское уголовное законодательство, не предусматривавшее уголовную ответственность за приготовление к преступлению в форме сговора и неудавшегося подстрекательства, с действующим уголовным законодательством России об ответственности за неоконченное преступление и анализируя этот дискуссионный вопрос в доктрине уголовного права, автор приходит к выводу, что уголовная ответственность «за любые формы приготовления к преступлению представляется обоснованной, поскольку присутствует основание криминализации – общественная опасность деяния, определяемая его объектом и объективной стороной» (п. 1, с. 29-30, 61-62 и др.).

А.И. Лызлов считает, что сговор на совершение преступления как форма приготовления к преступлению является более общественно опасным деянием, чем неудавшееся подстрекательство, поскольку он представляет собой начало реализации преступного намерения лица. Автор считает, что исключение сговора из форм приготовления к преступлению при сохранении среди них неудавшегося подстрекательства «порождает крайне противоречивую конструкцию приготовления». Это соображение он рассматривает как дополнительный аргумент (по сравнению с ранее представленными в теории уголовного права) в пользу сохранения сговора на совершение преступления в законодательной формулировке приготовления к преступлению (п. 3 с. 48-51).

Думается, оба указанных положения, вынесенные на защиту, вполне целесообразны и имеют обоснования. Вместе с тем, автор в качестве обоснования уголовной ответственности как за сговор на совершение преступления, так и за неудавшееся подстрекательство к преступлению, мог бы указать также наличие намерения, то есть вины лица в форме умысла, как субъективного основания уголовной ответственности за приготовление и цели совершения этого деяния, без

которых наличие только общественной опасности деяния согласно ст. 5 УК РФ не дает основания рассматривать его как преступное и привлекать лицо к уголовной ответственности.

Кроме того, представляется не совсем удачной редакция пунктов 1 и 3 положений, выносимых на защиту. В порядке обсуждения рискну предложить следующую редакцию изложенных в этих пунктах положений в одном лишь пункте: «Высказанное в теории уголовного права предложение об исключении из уголовного закона (ч. 1 ст. 30 УК РФ) сговора на совершение преступления как одной из форм приготовления к нему считаем несостоятельным. Установление в российском законодательстве уголовной ответственности за любые формы приготовления к преступлению, за все приготовительные действия, создающие условия для совершения преступления, является обоснованным. Основанием криминализации таких деяний являются их общественная опасность (приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям) и высокая степень вины (предумышленный характер действий лица). Угроза уголовной ответственности за неоконченное преступление, начиная со стадии приготовления к нему, играет важную предупредительную роль, которую законодатель должен во всех допустимых случаях поддерживать».

Исходя из особой общественной опасности убийства, посягающего на жизнь человека – самое ценное благо, охраняемое законом, диссертант предложил указать в ч. 2 ст. 30 УК РФ на то, что «уголовная ответственность за приготовление к убийству наступает и в тех случаях, когда убийство не является тяжким или особо тяжким преступлением» (с. 37-38 и др.).

В этом предложении есть рациональное зерно. Другое дело, что для убийств, совершаемых при смягчающих ответственность обстоятельствах (ст.ст. 106 - 108 УК РФ), вовсе не характерны приготовительные действия, поскольку они совершаются по внезапно возникшему умыслу в затруднительных и, как правило, психогенных ситуациях. Поэтому актуальность данного предложения автора весьма проблематична.

А.И. Лызлов справедливо замечает, что частое применение ст. 64 УК РФ по делам о приготовлении к убийству (39,3%) заставляет сомневаться в том, насколько адекватно законодатель отражает минимальный предел наказания за убийства, совершаемые в этой стадии преступления (п. 4, с. 92-93). Поэтому он предлагает ограничить верхний предел наказания за приготовление к преступлению нижним пределом наказания за данное окончательное преступление, а нижний предел установить в размере половины максимального предела наказания за приготовление к преступлению или не обозначать его вообще. При этом автор вполне обоснованно

ссылается на то, что уголовная ответственность может наступить не только за результативные preparatory действия, но и за безуспешную деятельность, обладающую сравнительно меньшей общественной опасностью (п. 4, с. 9, 94). Эта рекомендация диссертанта могла быть поддержана законодателем, поскольку ч. 1 ст. 66 УК РФ предусматривает ответственность за preparatory деятельность вне зависимости от ее результативности.

Отвечая на спорный в науке уголовного права вопрос о целесообразности ответственности за «негодное» покушение, автор утверждает, что «существование уголовной ответственности за негодное покушение на убийство (за исключением покушения с абсолютно негодными средствами) представляется обоснованным...». По его мнению, это объясняется двумя обстоятельствами: 1) негодным покушением причиняется вред «охраняющему общественному отношению, обеспечивающему неприкосновенность жизни» - одной из подсистем объекта уголовно-правовой охраны; 2) действующий уголовный закон предусматривает ответственность не только за безуспешные preparatory действия, но и за безуспешные действия, непосредственно направленные на совершение преступления, т.е. за «негодное» покушение на преступление.

Соглашаясь с А.И. Лызловым в этом дискуссионном в науке вопросом, можно указать на не совсем удачную формулировку 5-го положения автора, выносимого на защиту (с. 10-11). Редакция этого положения могла бы быть более компактной, более предметной и логически выдержанной. Например: ««Негодное» покушение на убийство, как правило, представляет общественную опасность, и лицо, его совершившее, подлежит уголовной ответственности во всех случаях, когда действия (бездействие) виновного создавали реальную опасность для жизни другого человека. Поэтому не подлежит уголовной ответственности лишь покушение на убийство с абсолютно негодными средствами, как деяние, фактически неспособное причинить вред охраняемому уголовным законом благу – жизни человека».

При квалификации неоконченного убийства в судебной-следственной практике особенно часто возникают затруднения, связанные с разграничением составов покушения на убийство (ст.ст. 30 ч. 3, 105 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ст. 111 ч. 4 УК РФ). Учитывая это обстоятельство, а также то, что нередко после нанесения потерпевшему одного или несколько телесных повреждений виновный бездействует, хотя имеет реальную возможность продолжить посягательство, автор, исходя из рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о том, что покушение на убийство возможно лишь при прямом умысле, т.е. когда виновный желает причинить потерпевшему смерть, но та не наступает по независящим от него

причинам, дал следующие рекомендации правоприменителю: 1) покушение на убийство возможно лишь при прямом и определенном умысле в случаях, когда: а) лицо рассчитывало на то, что смерть потерпевшего наступит и без дополнительных повреждений; б) полагает, что смерть уже наступила и в продолжении посягательства нет необходимости; 2) в указанных случаях единственным обстоятельством, в силу которого не наступает смерть потерпевшего, является своевременное оказание потерпевшему медицинской помощи иными лицами (п. 6, с. 11).

Ради справедливости следует сказать, что подобные соображения встречались в юридической литературе, хотя и не столь системно, компактно и в качестве рекомендаций правоприменителю, а Пленум Верховного Суда РФ не дал развернутого разъяснения по данному вопросу. Поэтому это положение, вынесенное на защиту, представляет собой определенную новизну и может быть использовано в судебно-следственной практике при расследовании и судебном рассмотрении рассматриваемой категории уголовных дел.

Проведенное диссертантом изучение законодательного определения наказания за покушение на «простое» убийство и практики его назначения судами, когда наблюдается значительная частота применения ст. 64 УК РФ (в 4 раза чаще, чем при назначении наказания за оконченное «простое» убийство), дала ему основание для вывода, что минимальный предел санкции за покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ) «представляется несколько завышенным». Поэтому автор предлагает сформулировать в ч. 3 ст. 66 УК РФ специальное правило определения нижнего предела наказания за покушение на преступление: «При назначении наказания за покушение на убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, нижний предел санкции сокращается на одну четверть» (п. 7, с. 11). С этим предложением можно не соглашаться, можно его оспаривать, выдвигать другие предложения, но оно является вполне разумным, в определенной степени обоснованным и может стать предметом обсуждения в теории уголовного права и на уровне законодателя.

Действующий уголовный закон специально не предусматривает «привилегированный» состав умышленного причинения тяжкого здоровья новорожденному ребенку, поэтому мать, совершившая такое деяние, подлежит ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ, санкция которой (до десяти лет лишения свободы) значительно строже, чем санкция ст. 106 УК РФ, предусматривающей ответственность матери за убийство новорожденного ребенка, совершенное при тех же обстоятельствах (ст. 106 УК РФ – до 5 лет лишения свободы). Эта несправедливость, по мнению автора, должна быть устранена законодательным путем конструирования «привилегированного» состава

умышленного причинения тяжкого вреда здоровью новорожденного ребенка (п. 8, с. 159-162).

Это предложение и его обоснование, безусловно, заслуживают внимания. Однако нельзя не сказать и о том, что сущность посягательства в отношении новорожденного ребенка (непосредственно после родов) и тем более нарождающегося ребенка (во время родов), когда мать потерпевшего находится в особой психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, такова, что виновная стремится избавиться от нежелательного ребенка и совершает деяние, направленное на причинение ему смерти. Именно убийство, а не причинение любой тяжести вреда здоровью потерпевшему, характерно для такого «привилегированного» преступления. Этим, видимо, и объясняется то, что законодатель не предусматривает составы «привилегированного» причинения вреда матерью новорожденному ребенку.

Анализируя юридическую природу добровольного отказа от доведения преступления до конца, в том числе добровольного отказа от доведения до конца убийства, А.И. Лызлов приходит к выводу и рекомендует правоприменителю добровольный отказ от доведения убийства до конца на стадии приготовления «связывать с активными действиями субъекта». Только так он считает возможным отграничить добровольный отказ на стадии приготовления от приготовления, прекращенного помимо воли лица (п. 9, с. 12). Эти наблюдения и рекомендации, высказанные в диссертации, также заслуживают внимания. Речь, очевидно, идет об активных действиях, свидетельствующих о добровольном и окончательном прекращении лицом действий по умышленному созданию условий для совершения убийства. Вместе с тем считаем, что добровольный отказ от продолжения преступной деятельности, в том числе на стадии приготовления, не исключается и при дальнейшем бездействии лица после того, как оно совершило некоторые приготовительные действия и имело реальную возможность, чтобы их продолжить.

Настоящее диссертационное исследование имеет определенное теоретическое значение, поскольку многие положения и выводы, высказанные его автором, дополняют знания о качестве законодательной регламентации, квалификации и наказании за неоконченное убийство, дают возможность их использовать в дальнейших научных исследованиях проблем криминализации деяний, ответственности за неоконченное преступление, добровольного отказа от доведения преступления до конца, ответственности за убийство и иные посягательства на жизнь человека.

Исследование имеет и практическое значение, которое заключается в возможности его использования в законотворческой деятельности в целях

совершенствования уголовного законодательства об ответственности за незаконченное убийство, а также практики применения этого законодательства, разработки рекомендаций высших судебных инстанций, необходимых для правильного решения вопросов, касающихся юридической оценки случаев неоконченного убийства и добровольного отказа от доведения его до конца, а также в целях использования результатов исследования в учебном процессе для преподавания в юридических вузах курса уголовного права и соответствующих спецкурсов уголовно-правового цикла.

Достоверность настоящего исследования не должна вызывать сомнений. Она подтверждается: использованием широкой эмпирической базы (более 400 судебных актов) и официальной статистической информации, которые обеспечивают достаточную репрезентативность исследования; большим количеством теоретических источников по теме исследования; обстоятельной научной аргументацией позиции, занятой автором в спорных вопросах; изучением юридических источников, системной характеристикой положений УК РФ, относящихся к теме исследования, сравнительным анализом уголовного законодательства ряда зарубежных государств. Предлагаемые в работе решения и рекомендации вполне обоснованы и логичны.

Основные положения и выводы исследования прошли апробацию: обсуждались на кафедре уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Алтайской академии экономики и права; были предметом обсуждения на 9 научных конференциях различного уровня в 2003-2016 г.г.; нашли отражение в 11 статьях, четыре из которых были опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных исследований; внедрены в учебный процесс Алтайской академии экономики и права и используются в процессе преподавания курса «Уголовное право» и спецкурса «Проблемы ответственности за преступления против личности».

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования и позволяет раскрыть все основные вопросы исследования. Она включает в себя введение, три главы, состоящие из восьми параграфов, заключения и списка использованных нормативных актов, литературы и иных источников.

Во введении показана актуальность и степень разработанности темы исследования, определяются предмет, объект, цель и задачи исследования, методологическая, теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая основы данного исследования, обосновываются степень достоверности его результатов, раскрывается научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на

защиту, дается оценка теоретической и практической значимости диссертационной работы, содержатся сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе («Приготовление к убийству»), которая состоит из трех параграфов, исследуются основания криминализации и пределы ответственности за приготовление к убийству (§1), формы приготовления к убийству, рассматриваются вопросы квалификации приготовления к этому преступлению, а также указываются признаки, по которым следует ограничивать приготовление к убийству от обнаружения умысла на его совершение (§2), дается социальная и юридическая оценка наказания, которая дается законодателем за приготовление к убийству и назначается судами за это деяние (§3). Здесь автор анализирует все основные и спорные вопросы, связанные с основаниями и пределами ответственности за приготовление к убийству, особенностями форм и способов приготовительной преступной деятельности, квалификацией такой деятельности и отличием ее от обнаружения умысла на убийство, с наказуемостью приготовления к убийству.

Уголовную ответственность за приготовление к убийству диссертант обосновывает общественной опасностью этого деяния даже на стадии создания условий для совершения «простого» или квалифицированного убийства. Он критикует тех ученых, которые считают, что уголовный закон должен отказаться от ответственности за любые приготовительные действия либо сохранить ответственность лишь за отдельные формы приготовления к преступлению, прежде всего к убийству, либо исходя из вида подготавливаемого преступления, либо исходя из распространенности и степени общественной опасности преступлений или других оснований криминализации деяний, к совершению которых готовится лицо, либо независимо от того, к какой категории преступлений относится преступление, приготовление к которому совершает виновный (с. 16-35). Соглашаясь с В.Д. Филимоновым, по мнению которого структура объекта преступления имеет две подструктуры (охраняемое уголовным правом общественное отношение и общественное отношение, охраняющее первое общественное отношение). А.И. Лызлов считает, что «при приготовлении к убийству вред причиняется лишь одной из подсистем объекта уголовно-правовой охраны – охраняющему общественному отношению, обеспечивающему неприкосновенность жизни» (с. 34). Он справедливо полагает, что «неприкосновенность жизни для государства и общества более важна, чем неприкосновенность любых других защищаемых уголовным законом благ и общественных отношений, ее нарушение является гораздо более опасным, чем нарушения неприкосновенности иных правоохраняемых объектов» (с. 35). Поэтому он рекомендует законодателю «признать криминализацию приготовления ко всем случаям умышленного лишения жизни другого человека, где приготовления вообще

возможны», включая приготовление к убийству матерью новорожденного ребенка (с. 35).

Полагаем, что приготовительные действия, как образ поведения, заключающийся в том, чтобы «устроить что-нибудь заранее»¹, совершаются по заранее обдуманному умыслу. Все же убийства при смягчающих ответственность обстоятельствах, в том числе убийство матерью ребенка, совершаются по внезапно возникшему умыслу, вызванному психотравмирующей ситуацией (родами), необходимостью обороны или задержания преступника. Умысел на убийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, возникает «в условиях психотравмирующей ситуации и, как правило, «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Иными словами, приготовление к такому убийству едва ли возможно. Поэтому данная рекомендация, адресованная законодателю, может оказаться бесполезной. Думается, законодатель также исходил из того, что предумышленность, а значит, и приготовительные действия в указанных в ст. 106 УК РФ случаях исключаются.

Автор не соглашается с С.В. Бородиным, Л.Д. Гаухманом и некоторыми другими учеными в том, что «как приготовление может рассматриваться лишь удавшаяся умышленная деятельность по созданию условий для совершения преступления» (с. 40). При этом он ссылается на то, что сам законодатель закрепляет в ч. 5 ст. 34 УК РФ правило, согласно которому «за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по независящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления» (с. 40). В работе делается правильный вывод из сказанного, что «законодатель ставил своей целью охватить... любую деятельность, направленную на создание условий для совершения преступления» (с. 41). В то же время обоснованно утверждается, что «результативная деятельность – понятие относительное, в некоторых случаях судить о ней вообще невозможно» (с. 42).

С диссертантом следует согласиться и в том, что в случаях, когда «действия по созданию условий для совершения преступления действительно крайне несущественны для достижения преступного результата и мало продвинули лицо в направлении реализации умысла на убийство, они могли бы считаться обладающими общественной опасностью» (с. 46). В таких случаях приготовительные действия подпадают под п. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности содеянного.

¹ «Приготовить» - «устроить что-нибудь заранее» // Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.

А.И. Лызлов, полагаем, прав также, утверждая, что «невозможно отрицать общественную опасность той или иной разновидности (формы) приготовительных действий» (с. 48). Он выступает против декриминализации такой формы приготовления к преступлению, как сговор соучастников на совершение преступления (с. 48-51), считая, что сговор «обладает такой степенью опасности, которая достаточна для установления за него уголовной ответственности» (с. 51), поскольку его можно расценивать как значительный шаг на пути к реализации возникшего умысла» и др. (с. 50-51). «...Дифференциация различных приготовительных действий и степени их общественной опасности, если вести речь о приготовлении к убийству, - пишет автор, - способна оказать влияние лишь на назначаемое наказание» (с. 52).

В диссертации раскрывается содержание различных форм приготовления к убийству, прежде всего тех, которые неоднозначно понимаются в теории уголовного права и в судебной практике. Уточнения, которые в этой связи делает автор, позволяют лучше понять и более уверенно использовать в правоприменительной практике полученные знания при рассмотрении уголовных дел исследуемой категории и в дальнейших исследованиях данной темы.

Диссертант в целом согласен с А.А. Пионтковским и некоторыми другими авторами, которые при разграничении приготовления к преступлению и обнаружения умысла на его совершение указывают, что обнаружение умысла есть выражение его вовне словесно, письменно или иным путем без совершения конкретных действий по его осуществлению, которые могли бы быть признаны общественно опасными (с. 68-71). Так, приготовлением к убийству он считает приобретение предметов, хотя и не являющихся орудиями или средствами совершения преступления, но так или иначе связанных с задуманным убийством (с. 70-71).

Анализируя судебную практику, А.И. Лызлов отмечает, что «подавляющее большинство случаев осуждения за приготовление к убийству связаны с добровольным отказом исполнителя от доведения преступления до конца». Осуждаются за подготавливаемое убийство (при условии завершенности приготовления) лишь те лица, которые являлись бы его организаторами, подстрекателями или пособниками (с. 72). Соучастие при этом далеко не всегда распадается на стадии приготовления к преступлению, и действия организатора, подстрекателя и пособника должны квалифицироваться, как правило, как приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, поскольку имел место сговор на совершение такого преступления между соучастниками. Если исполнитель остановился на стадии покушения на преступление, то содеянное другими

соучастниками следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, статье Особенной части УК РФ и соответствующей части (ч.ч. 3-5) ст. 33 УК РФ (ч. 5 ст. 34 УК РФ).

Однако А.И. Лызлов придерживается той позиции, что организатор, подстрекатель и пособник в указанных случаях не приобретают статус соучастника, а несут ответственность за свои личные действия, поскольку при добровольном отказе исполнителя его действия признаются непроступными, а соучастником непроступного поведения, с позиции уголовного права, быть нельзя (с. 74-76). Иными словами, виновные действия остальных соучастников подлежат квалификации лишь по ч. 1 ст. 30 и соответствующей статье Особенной части УК РФ, учитывая, что «приготовление к преступлению представляет собой абсолютно самостоятельный состав со своей собственной объективной стороной» (с. 75). И все же нельзя не учитывать и того, что соучастие в форме сговора соучастников на совершение преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ) состоялось и могло сохраняться и на стадии покушения на преступление (ч. 3 ст. 30 УК РФ) до того, как исполнитель добровольно отказался от доведения его до конца. Этот его отказ согласно ч. 2 ст. 31 УК РФ подлежит самостоятельной правовой оценке и не влияет на решение вопроса о виновности или невиновности других соучастников, действия которых согласно ч.ч. 4-5 ст. 31 УК РФ также подлежат самостоятельной правовой оценке. Автор сам отмечает недостатки в занятой им до этого позиции и пишет, что квалификация действий других соучастников при добровольном отказе от доведения до конца преступления «без ссылки на ст. 33 УК РФ не позволяет применить к ним положения ч. 4 ст. 31 УК РФ, содержащие более жесткие правила о добровольном отказе этих соучастников по сравнению с исполнителем» (с. 77).

Считая неполной квалификацию убийства с целью облегчить совершение другого преступления, в частности другого убийства, по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, диссертант утверждает, что недостаток такой квалификации он усматривает в том, что в п. «к» не конкретизируется совершение какого именно преступления облегчается путем убийства. Отсюда, как он указывает, применение совокупности преступлений (оконченное убийство – п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и приготовление к убийству, с целью осуществления которого было совершено первое убийство) «будет более точным, чем использование лишь п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ» (с. 80-81). Но именно подобные случаи отражаются в конструкции состава этого вида квалифицированного убийства. Причем законодатель имеет ввиду любое другое преступление, которое лицо стремиться облегчить путем совершения убийства. Он не делает этого и может, как мы полагаем, этого не делать во всех подобных случаях. Здесь совершение самого убийства и есть одновременно приготовление к другому убийству. Объективная сторона такого убийства полностью охватывает

приготовление к другому убийству, если других самостоятельных приготовительных действий к другому убийству фактически лицо не совершало.

Исследуя наказание за приготовление к убийству и его применение судами при рассмотрении этой категории уголовных дел, автор установил, что фактически нижний предел наказания за приготовление, как правило, остается равным нижнему пределу санкции, предусматривающей ответственность за оконченное преступление (с. 83). Он сомневается в том: «Правильно ли поступает законодатель, позволяя назначить за приготовление к убийству большее наказание, чем минимальный предел наказания за оконченное преступление»? (с. 84). Закон, по его мнению, должен адекватно отражать типовую опасность приготовительных действий, которая, по общему правилу, ниже, чем при оконченном преступлении (с. 87). Чтобы добиться этого суды, вопреки закону, очень часто (в 39,3% случаев от общего числа осужденных за приготовление к убийству) применяют при назначении наказания за приготовление ст. 64 УК РФ, которое предполагает в каждом случае наличие исключительных обстоятельств (с. 92-93).

Автор считает, полагаю, вполне справедливо, что минимальный предел наказания за приготовление к убийству «должен составлять не более половины от максимального либо его не следует определять вовсе» (с. 93). Таковы его рекомендации законодателю. Предпочтение отдается варианту, когда в уголовном законе будет исключен предел наказания за приготовление к преступлению (ч. 2 ст. 66 УК РФ).

Глава вторая («Покушение на убийство»), состоящая из трех параграфов, посвящена характеристике оснований криминализации и пределов ответственности за покушение на убийство (§1), форм покушения и вопросам отграничения покушения на убийство от смежных уголовно-наказуемых деяний (§2), а также вопросам наказания за покушение на убийство (§3).

Диссертант утверждает, что «покушение на любое преступление, где оно вообще возможно, является уголовно-наказуемым» (с. 97) и обосновывает это положение (с. 97-98). Особое внимание он уделяет уголовно-правовой характеристике «негодного» покушения (с. 98-106). Эта характеристика дается на основе анализа теоретических воззрений, существующих в отечественной науке уголовного права, российском и зарубежном уголовном законодательстве, судебной практике по уголовным делам, где встречаются оба вида «негодного» покушения на убийство. По мнению А.И. Лызлова, «существование уголовной ответственности за негодное покушение (за исключением покушения с абсолютно негодными средствами) представляется ... обоснованным» (с. 105). Необходимость такой ответственности определяется «тем, что для реализации задуманного преступления

это лицо начинает осуществлять деяние, которое при иных обстоятельствах завершилось бы причинением вреда самому охраняемому благу» (с. 105). Нельзя не согласиться с тем, что при таком покушении на убийство существует реальная опасность жизни другого человека как возможность, которая в данном случае не воплотилась в действительность.

Изучая дискуссионный в науке уголовного права вопрос о том, насколько обоснована конструкция состава убийства как материального состава преступления, и сопоставляя эту конструкцию с конструкцией составов посягательств на жизнь (ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, с. 106-110), А.И. Лызлов считает, что «определенность общественно опасного последствия (смерти), его вероятностный характер, возможность его адекватного отражения в норме права, установления и доказывания в правоприменительной деятельности вполне позволяют конструировать состав самого тяжкого преступления против жизни как материальный» (с. 109). Кроме того, при конструировании состава убийства как формального (полагаем, правильнее говорить: «как усеченного») нивелирует, по его мнению, «существенные различия в системе общественной опасности покушения на убийство и оконченного убийства, если оба этих деяния будут охватываться понятием посягательства на жизнь» (с. 110). С этим выводом автора нельзя не согласиться. Однако, исходя из этого, было бы логично и целесообразно предложить в данной работе законодателю сконструировать квалифицированные составы посягательства на жизнь (ч. 2 ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ), где отягчающим обстоятельством выступало бы последствие такого посягательства – смерти потерпевшего. Санкция такого квалифицированного посягательства на жизнь должна была бы предусматривать лишь пожизненное лишение свободы или смертную казнь.

Для отграничения покушения на убийство от умышленного причинения вреда здоровью, прежде всего тяжкого вреда, диссертант выдвигает (это особенно ценно для правоприменителя) два критерия: 1) покушение на убийство всегда совершается с прямым определенным умыслом на причинение смерти потерпевшему, а умышленное причинение вреда здоровью – с прямым или косвенным на причинение ему смерти, при котором причиняется лишь вред здоровью; 2) при покушении на убийство, несмотря на усилия виновного, непосредственно и вполне определенно направленные на причинение смерти потерпевшему, последняя не наступает по независящим от лица обстоятельствам (с. 116). По его мнению, «лишь анализ обстоятельств содеянного позволяет установить», что в момент посягательства на жизнь потерпевшего виновный относился к наступлению этого последствия «как к неизбежному результату деяния» (с. 118).

Автор анализирует ситуации, когда лицо преднамеренно совершает действия, направленные на причинение смерти потерпевшему, но останавливается, хотя осознает возможность их продолжения для реализации преступного умысла. Эти ситуации вызывают особые затруднения у практических работников (с. 120-124). Оценивая бездействие виновного в указанных ситуациях, он дает рекомендации, когда содеянное виновным следует квалифицировать как покушение на убийство, а не преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ. По его мнению (и с этим следует согласиться), содеянное содержит признаки покушения на убийство, если: 1) лицо рассчитывает на то, что смерть потерпевшего наступит и без дополнительных повреждений; 2) либо полагает, что смерть его уже наступила и продолжать посягательство на его жизнь нет необходимости (с. 124).

Говоря о необходимости отграничения покушения на убийство от приготовлений к убийству и угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) (с. 125), А.И. Лызлов соглашается с другими авторами в том, что началом исполнения преступления (покушения на него) «будут считаться те привычные телодвижения, благодаря которым используемая сила становится самостоятельно действующей» (А.П. Козлов) (с. 126), а также в том, что «действия, которые сами по себе не могут окончиться причинением потерпевшему смерти, не образуют начала выполнения объективной стороны убийства» (Т.А. Плаксина) (с. 117). Диссертант прав в том, что прицеливание из огнестрельного оружия в потерпевшего, когда виновный еще не нажал на курок, или когда лицо подходит к жертве со спрятанным в кармане ножом и выжидает удобного момента, чтобы нанести им удар потерпевшему, либо когда при совершении убийства с использованием дистанционно управляемого взрывного устройства виновный еще не привел его в действие, имеют место приготовления к убийству, поскольку в подобных случаях лицо еще не начинает выполнения объективной стороны убийства (с. 127-128). В то же время «закладка взрывного устройства, срабатывающего от действий потерпевшего, образует создание опасности» для его жизни и «представляет собой покушение, а не приготовление» (с. 130). Установление исполнителем ловушки, в которой «потерпевший сам запускает механизм развития вредоносной причинной связи» (с. 131) «следует рассматривать как оконченное покушение» (с. 132).

Диссертант также считает, что одновременное вменение нескольких стадий преступления нельзя признать правильным, что «приготовление к убийству при квалификации поглощается покушением на убийство или оконченным убийством, если эти стадии последовали за приготовительными действиями и имеет место в отношении одного и того же потерпевшего» (с. 134). В то же время «угроза

убийством не является частным случаем ни приготовления к убийству, ни покушения на убийство» (с. 135).

Разграничение угрозы убийством от покушения на убийство должно зависеть от направленности умысла преступника: при покушении умысел направлен на причинение потерпевшему смерти, а при угрозе – на устрашение потерпевшего. Направленность умысла «требует установления и доказывания на основе объективных проявлений содеянного» (с. 136-137). Однако направленность умысла на убийство при добровольном отказе от доведения убийства до конца на стадии покушения не исключает применения ст. 119 УК РФ согласно правилу, предусмотренному ч. 3 ст. 31 УК РФ (с. 137-138).

В работе анализируются случаи квалификации преступлений, совершенных с ошибочным предположением о наличии квалифицирующих обстоятельств, которые фактически отсутствуют. В таких случаях в юридической литературе чаще всего встречаются три варианта квалификации содеянного: 1) фактически оконченное преступление квалифицируется только как покушение; 2) или оно квалифицируется только как оконченное убийство без квалифицирующих обстоятельств; 3) либо такое деяние оценивается как совокупность покушения на квалифицированное убийство и оконченного простого убийства. Некоторые ученые (например, А.Н. Попов) предлагает квалифицировать такие деяния только как оконченное убийство с квалифицирующим обстоятельством. Исследуя эти позиции и их обоснования, диссертант также упоминает экзотическое мнение И.П. Семченкова, который предлагает рассматривать такие случаи, как «частично реализованное покушение», и включить в ч. 4 ст. 30 УК РФ следующее правило: при квалификации такого («частично реализованного») покушения как оконченного преступления (без квалифицирующих обстоятельств) и в скобках после этой основной квалификации – квалификации покушения. Однако, по мнению А.И. Лызлова, в указанных случаях «наиболее верной представляется квалификация содеянного именно как покушение на квалифицированное убийство» (с. 146). Полагаю, такое решение данного спорного вопроса представляется достаточно спорным, а возможно даже ошибочным.

Как известно, основанием уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ является «совершение деяния содержащего все признаки состава преступления...». При квалификации так называемого «фиктивного» или «частично реализованного» покушения на убийство только как покушения на квалифицированное убийство не отражается фактически совершенное лишение жизни другого человека. А это основное в характеристике объективной стороны любого вида убийства. Фактическое причинение смерти потерпевшему есть в то же время основная цель, к

достижению которой стремится убийца. Конечно, дополнительно при этом действия виновного также направляются или охватываются содержанием умысла на убийство соответствующими квалифицирующими обстоятельствами, которые по независящим от него причинам не реализуются. Оценивая указанное деяние как оконченное убийство, дополнительно мы также отражаем в квалификации и то, что лицо стремилось осуществить в результате убийства, как покушение на квалифицированное убийство. Направленность умысла, оторванная от основной цели любого убийства – причинить смерть другому человеку, а также от объективной стороны результативного поведения – оконченного убийства, не может рассматриваться как критерий оценки этого сложного (в объективном и субъективном смыслах) преступного поведения.

В третьем параграфе второй главы автор исследует вопросы наказания за покушение на убийство на основе анализа законодательства и практики назначения наказания по этой категории уголовных дел.

Диссертант, безусловно, прав в том, что «ограничение законодателем только верхнего предела наказания за покушение на преступление приводит к тому, что за оконченное убийство и за покушение на убийство могут назначаться одинаковые меры наказания, хотя их общественная опасность различна» (с. 150).

Прав автор и в том, что причинение при покушении на убийство тяжкого вреда здоровью потерпевшего обязывает суд назначить виновному такое наказание, которое не только не может быть меньшим, чем предусмотренное за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, сопоставимое по конструктивным признакам состава, но не может быть и равным ему, поскольку даже само по себе покушение на убийство при прочих равных условиях всегда опаснее умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (с. 151).

В диссертации справедливо предлагается изменить законодательный подход к назначению наказания за неоконченное преступление с тем, «чтобы в законе содержалось правило об обязательном кратном снижении при определении меры наказания не только максимального предела санкции статьи Особенной части, но и ее минимального предела. В этом вопросе он присоединяется к позиции, высказанной другими учеными (Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский) и приводит дополнительные аргументы в обоснование правильности такого умозаключения (с. 151-153).

Изучение практики назначения наказания за покушение на убийство, которое действительно в юридической литературе встречается крайне редко, а в статистике судимости специально не отражается, позволили автору сделать ряд замечаний на судебные ошибки при решении этого вопроса, которые будут положительно приняты

и осмыслены не только учеными, но и практическими работниками органов правосудия. Такое изучение также позволило соискателю сделать, в частности такой вывод: «нижний предел санкции за покушение на простое убийство является несколько завышенным» (с. 156). В связи с этим в работе предлагается дополнить ч. 3 ст. 66 УК РФ положением, согласно которому нижний предел санкции в ч. 1 ст. 105 УК РФ «сокращается на одну четверть» при назначении наказания за покушение на «простое» убийство (с. 156).

В третьей главе исследуются вопросы, связанные с оценкой действий при добровольном отказе от доведения убийства до конца. Глава состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен характеристике добровольного отказа на стадии приготовления к убийству.

Автор верно замечает, что сейчас «к уголовной ответственности за приготовление к убийству в основном привлекаются подстрекатели и организаторы убийства по найму, если исполнитель дал согласие на совершение преступления, а затем добровольно отказался от доведения его до конца, либо деятельность исполнителя до начала выполнения объективной стороны была пресечена по независящим от него обстоятельствам» (с. 166). Рассматривая такие случаи из судебной практики, диссертант делает вполне обоснованный вывод: в соответствии с ч. 4 ст. 31 УК РФ «бездействие организатора или подстрекателя не может рассматриваться как добровольный отказ; поведение этих лиц, направленное на предотвращение преступления, обязательно должно быть активным; более того, оно должно быть успешным; добровольный отказ констатируется только тогда, когда им фактически удалось предотвратить преступление» (с. 168).

Более сложной является уголовно-правовая оценка ситуации, когда речь идет об исполнителе преступления. Вопреки рекомендациям ряда ученых (А.П. Козлов, К.Д. Николаев, А.А. Пионтковский), что добровольный отказ исполнителя от доведения преступления до конца на стадии приготовления должен выражаться в бездействии, в воздержании от дальнейшего продолжения от начатой преступной деятельности, в правоприменительной практике добровольный отказ от доведения исполнителем убийства до конца связывается именно с активными действиями. А.И. Лызлов также справедливо считает, что «добровольный отказ от доведения убийства до конца на стадии приготовления необходимо связывать лишь с активными действиями субъекта; при иных обстоятельствах отграничить добровольный отказ на стадии приготовления, прекращенного помимо воли лица, становится практически невозможно» (с. 172).

Во втором параграфе работы дается уголовно-правовая оценка добровольного отказа от доведения убийства до конца.

Автор обстоятельно анализирует взгляды ученых-юристов на спорный в науке уголовного права вопрос о возможности добровольного отказа от доведения преступления до конца на стадии оконченного покушения применительно к ситуации, когда лицо в процессе убийства выполнило все необходимые действия для наступления смерти потерпевшего, приведя его в опасное для жизни состояние, однако смерть его не наступила по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного. А.И. Лызлов ошибочно, как мы думаем, присоединяется к позиции тех ученых, по мнению которых добровольный отказ на стадии оконченного покушения вполне возможен, но только в активной форме и при условии, что виновный еще может не допустить наступления смерти (А.А. Пионтковский, Б.В. Здравомыслов, В.С. Комиссаров, А.П. Козлов, Т.А. Плаксина и др.). Такой подход представляется автору «вполне обоснованным» (с. 177), с чем едва ли можно согласиться.

В тех случаях, когда лицо совершает прицельный выстрел в потерпевшего, наносит ему опасное для жизни ножевое ранение или несовместимые с жизнью множественные телесные повреждения, дает смертельный яд и т.п., но тот не погибает по независящим от воли виновного обстоятельствам, хотя его умысел был направлен на лишение потерпевшего и был уверен, что преступный результат наступит, добровольный отказ от преступления невозможен, поскольку: 1) объективно в результате действий лица, необходимых для достижения преступного результата, был включен механизм причинения смерти потерпевшему, как необходимого следствия этих действий виновного, 2) последний осознавал не «возможность доведения преступления до конца», как это требуется при добровольном отказе (ч. 1 ст. 31 УК РФ), а, наоборот, был уверен, что совершил действия, достаточные для того, чтобы реализовать свой преступный умысел; 3) при оконченном покушении не в воле виновного «отказаться от доведения преступления до конца», чего требует уголовный закон (ч. 2 ст. 31 УК РФ), так как механизм причинения смерти потерпевшему действует независимо от его воли и от его дальнейшего поведения; 4) полная или частичная отвлеченность этого механизма от контроля лица свидетельствует о том, что даже в случаях, когда посягающему активными действиями удалось предотвратить наступление смерти (например, врачи скорой помощи спасают потерпевшему жизнь), имеет место не добровольный отказ, а деятельное раскаяние. Не напрасно законодатель указывает, что «временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия), независимо от времени наступления последствий» (ч. 2 ст. 9 УК РФ). В тех случаях, когда при этом потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью, опасный для

жизни, виновный подлежит ответственности не по ст. 111 УК РФ с учетом положений ч. 3 ст. 31 УК РФ, как считает автор (с. 178), а за покушение на убийство с учетом его деятельного раскаяния и оказания помощи потерпевшему как смягчающих наказание обстоятельств. Обоснование нашей позиции в данном вопросе так или иначе дается в работах М.Д. Шаргородского, А.В. Наумова, А.Н. Игнатова, Н.К. Семерневой, Т.В. Кондрашовой и др., о чем пишет А.И. Лызлов, но становится на сторону их оппонентов, пытаясь обосновать свое предпочтение в этом вопросе.

Диссертант полагает, что «добровольный отказ при поставлении потерпевшего в опасное для жизни состояние возможен только в активной форме, когда лицо предпринимает усилия, чтобы вывести потерпевшего из такого состояния и предотвратить его смерть» (с. 179). С этим можно было бы согласиться с таким уточнением: «если при этом лицо полностью контролирует развитие причинной связи и имеет реальную возможность предотвратить наступление смерти потерпевшего».

Анализ судебной практики позволил автору установить, что правоприменители во многих случаях необоснованно отождествляют такие существенно различающиеся между собой правовые явления, как отсутствие умысла на убийство и добровольный отказ от доведения убийства до конца, или уравнивают наличие умысла и отсутствие добровольного отказа.

В заключении работы делаются выводы и формулируются предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Изложенные в содержании работы мысли также позволят активизировать исследование данной темы в отечественной науке уголовного права.

Оппонируемая диссертация вызвала у нас большой интерес глубиной исследования, системным изложением всех основных вопросов темы, обстоятельным анализом отечественных и зарубежных нормативных правовых источников, большого числа литературы по теме исследования, богатой и разнообразной судебной практики (214 источников литературы), интересными наблюдениями, выводами и предложениями, имеющими значение для совершенствования уголовного законодательства, практики его применения и дальнейшего развития российской науки уголовного права по данной теме исследования. Кроме того, тема настоящей диссертации находится в русле наших научных исследований: нами написаны несколько монографий, десятки научных статей, завершается докторская диссертация, посвященная уголовно-правовой характеристике убийства. Этим как раз объясняется столь пристальный интерес и обстоятельный отзыв на данную кандидатскую диссертацию.

Надо с уверенностью сказать, что цель и задачи исследования, поставленные диссертантом, были достигнуты и успешно решены.

Всестороннее изучение вопросов законодательной рекомендации и применения уголовного законодательства о неоконченном убийстве позволило А.И. Лызлову создать контуры целостного научного представления о неоконченном убийстве как уголовно-правовом понятии и явлении, дать адекватную оценку уголовного законодательства об ответственности за приготовление к убийству и покушение на него, уголовно-правовую характеристику добровольного отказа от преступления на этих стадиях неоконченного убийства, проанализировать практику применения уголовного законодательства об ответственности и наказании за неоконченное убийство, рассмотреть вопросы квалификации этого преступления и его отграничения от смежных преступлений и от непроступных деяний.

Основные положения, выносимые на защиту, отличаются научной новизной и свидетельствуют о высоком творческом потенциале диссертанта. Отношение оппонента к этим положениям в целом позитивное. Некоторые заключения, сделанные нами в отзыве, в значительной мере носят дискуссионный характер, а некоторые из них продиктованы лишь желанием несколько улучшить редакцию ряда положений, сформулированных в работе. Впрочем, последние замечания также могут быть восприняты неоднозначно.

Апробация результатов исследования и их внедрения в учебный процесс, их освещение в соответствующих публикациях автора, показывает значительную теоретическую и практическую значимость настоящей работы.

Работа написана грамотно, хорошим юридическим языком, каждый ее параграф завершается соответствующими выводами и предложениями, полученными в результате проведенного исследования. Содержание автореферата диссертации соответствует содержанию диссертации.

Несмотря на некоторые замечания, сделанные по тексту работы, в целом диссертационное исследование А.И. Лызлова «Неоконченное убийство: проблемы законодательной регламентации, квалификации и наказания», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовного права, совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук (ч. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 №842 (ред. от 21.04.2016)), а ее автор Алексей Иванович Лызлов

заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент –
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Федерального
государственного казенного
образовательного учреждения
высшего образования «Уфимский
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
кандидат юридических наук

А.Г. Бабичев

17 мая 2016 года

Бабичев Арсений Георгиевич
кандидат юридических наук по специальности
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
Россия, 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д.2
Тел. 8(347) 255-06-39. <https://ufali.mvd.ru>

